

настоящею, сколько-нибудь свободною мыслью. Извѣстно, какъ подобная двусмысленность отличала потомъ александровскую эпоху, гдѣ, рядомъ съ заботами о просвѣщеніи, подготовлялась въ типѣ аракатеевская система и достопамятная дѣятельность Магницкаго ¹⁾. При строжайшемъ, недовѣрчивомъ надзорѣ общество относительно средствъ образованія часто бывало предоставлено на произволъ судьбы, и на свой страхъ, разъединенными силами, искало того образованія, какое считалось нужнымъ высшими сферами и для котораго, однако, эти сферы не доставляли правильныхъ способовъ. Такова была именно погоня за французскимъ образованіемъ въ высшемъ и среднемъ кругу дворянства. Было, разумѣется, при этомъ много неудачнаго, поверхностнаго и каррикатурнаго; но, съ одной стороны, едва ли виноваты въ этомъ одни искатели образованія, а съ другой, образованіе, приобретаемое изъ французской литературы, когда оно было нѣсколько правильно, вовсе не было такими пустяками, какъ это можетъ многимъ теперь казаться. Французская литература не даромъ господствовала надъ умами всей тогдашней Европы. Кромѣ того, что могло быть и бывало въ ней непригоднаго для прямого примѣненія къ русской дѣйствительности, въ ней было много интересова общечеловѣческаго знанія и общечеловѣческой нравственности. На лучшіе умы эта доля чужеземнаго образованія могла дѣйствовать благотворно: здѣсь почерпалась пища, которой не давала русская литература и русская жизнь; нѣтъ сомнѣнія, что отсюда почерпнуто было не мало гуманныхъ идей, которыя не были излишни въ обиходѣ русскаго быта и приводили наконецъ и къ успѣхамъ образованія, и къ смягченію нравовъ. Присутствіе этой благотворной стихіи, какая заимствовалась въ нашѣмъ XVIII вѣкѣ изъ европейскаго источника, сказалось наконецъ во всемъ развитіи нашей литературы прошлаго вѣка, гдѣ рядъ заимствованій въ области поэзіи и науки (напр., особенно исторіи) сопровождался самостоятельными опытами и подготовилъ нашу новѣйшую литературу съ прочными проявленіями національности въ поэзіи и національнаго самосознанія въ историче-

¹⁾ Анненковъ, указывая, какъ рядомъ съ либерализмомъ, господствовавшимъ тогда въ передовыхъ людяхъ военнаго сословія, процвѣтали на той же почвѣ страстные ревнители тогдашней дисциплины и суровой военной практики, замѣчаетъ: „въ покровительствѣ, какое они находили свыше, сказывалась основная черта этого періода нашей исторіи, *сознательно допускавшаю* одновременное существованіе зачатковъ новаго развитія съ дикими порядками старой эпохи. Надо прибавить, что именно эта черта и дѣйствовала на горячіи натуры особенно бодрѣнно и раздражительно“. „А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, стр. 61—62.